Сталинская коллективизация — взгляд 90 лет спустя

К.П. Обозный

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: history@sfi.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-188-197

Свято-Филаретовский православно-христианский институт при участии научно-исследовательского центра им. А.В. Чаянова Московской высшей школы социальных и экономических наук организовал и 12 ноября 2020 года успешно провел научную всероссийскую онлайн-конференцию, посвященную трагической дате — 90-летию начала массового раскулачивания в СССР.

30 января 1930 года члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным приняли постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В соответствии с решением руководителей ВКП(б) «кулацкий актив» подлежал заключению в концлагеря или расстрелу, прочие «кулацкие элементы» — депортациям вместе с семьями в отдаленные районы СССР или выселению за пределы родных сел и деревень. Для населения бывших казачьих областей сталинская коллективизация становилось продолжением ленинской политики расказачивания времен Гражданской войны.

Коллективизация, раскулачивание и вызванный ими голод 1932–1933 годов привели к гибели миллионов крестьян. Раскулачивание сопровождалось ликвидацией сельской церковной жизни, ужесточением репрессивной политики в городах против научной интеллигенции, «социально чуждых» элементов и «бывших» людей, а также всплеском антибольшевистского сопротивления вплоть до вооруженных восстаний в разных регионах СССР.

Социально-политические процессы, начавшиеся в 1930-м году, несомненно, заслуживают детального анализа, поскольку они, затрагивая не только экономические и социальные, но и духовные основы жизни России, в основном крестьянской, коренным образом изменили ее пространство. В ходе работы конференции *«Сталинская коллективизация: актуальные проблемы»* планировалось обсудить такие темы, как:

— Сопротивление коллективизации и большевистской власти в 1930–1932 годах.

— Православная Российская Церковь в период коллективизации в 1929–1932 годах.

— Судьбы раскулаченных и спецпоселенцев в 1930–1932 годах.

На приглашение к участию в конференции откликнулись крупные специалисты в области истории из России, Беларуси, Литвы и Германии. Были представлены университеты и научно-исследовательские центры: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Институт Российской истории РАН (Москва), Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС (Саратов), Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН (Тобольск Тюменской области), Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь), Европейский университет (Вильнюс, Литва), Билефельдский университет (Германия).

Перед началом работы конференции с приветственным словом выступили ректор СФИ *А.Б. Мазуров* и директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН *А.М. Никулин*. Выступавшие подчеркнули актуальность и злободневность темы конференции, а также сформулировали главный вопрос: почему коллективизация в сталинском варианте победила?

Открывалось утреннее заседание докладом *А.М. Никулина* «Чаянов и Сталин: сопоставляя две концепции коллективизации». В этом выступлении была проанализирована логика сталинского варианта коллективизации, а также обозначена альтернативная чаяновская линия развития сельского хозяйства, которая имела определенные шансы на успешную реализацию. На основе письменных трудов и публичных выступлений (с 1918 по 1930 год) Сталина и Чаянова удалось показать принципиальную разницу двух моделей коллективизации, что было связано с серьезным внутренним личностным различием этих двух исторических персонажей: Сталин (партия большевиков) — грубый эмпирик и сторонник насильственных методов достижения поставленной цели, Чаянов (беспартийный, сочувствующий политически умеренным народническим направлениям) — академический ученый, социальный футуролог и просветитель в области сельского развития. Чаянов предлагал развивать экономику крестьянских домохозяйств через добровольные крестьянские союзы-кооперативы, вертикально интегрирующие, объединяющие, обобществляющие отдельные отрасли крестьянских производств, но оставляющие за самими крестьянами свободу выбора приоритетов их хозяйственной деятельности в многоукладной экономике Советской России. Такая система представлялась Чаянову оптимально экономически эффективной и социально справедливой.

Реализовавшаяся на практике насильственная коллективизация — не чаяновская вертикальная демократическая, а сталинская горизонтальная бюрократическая кооперация крестьянства — привела к огосударствлению ресурсов села ради усиления власти номенклатуры, создав низкоэффективную, построенную на внеэкономическом принуждении колхозную систему СССР. Никулин постарался раскрыть динамику взглядов и способы выражения подходов к вопросу аграрных преобразований у Сталина и Чаянова. Сталин еще в годы Гражданской войны, находясь в Царицыне, приобрел опыт практического решения крестьянского вопроса, участвуя в насильственном изъятии хлеба у крестьян. Если в первой половине 1920-х он удерживал себя от откровенных высказываний в пользу подавления крестьянства, то начиная с 1928 года линия партии, нацеленная на то, чтобы крестьян поставить под жесткий диктат бюрократии, была им четко артикулирована. К началу 1930 года стало очевидно, что цель сталинской коллективизации состояла прежде всего в усилении власти коммунистической партии в деревне ради безжалостного изъятия из нее ресурсов для форсированной модернизации экономики СССР. Крестьянство в это время оставалось последним серьезным препятствием для воплощения идей Сталина о тотальном огосударствлении России, а значит, должно было подвергнуться разгрому и жесточайшему подавлению. Профессор Чаянов в конце 1920-х годов отказался принимать участие в исследовании колхозной темы, поскольку она являлась фактически воплощением политики государственного насилия над крестьянством. Он переключился на изучение проектирования крупных государственных аграрно-индустриальных хозяйств (совхозов). Тем не менее вину за трудности проведения коллективизации и сопротивление ей крестьянства идеологи коммунистов во главе со Сталиным постарались поскорее переложить на распространение в деревне «вредительских мелкобуржуазных идей» Чаянова и его коллег — замечательных ученых-аграрников, представителей славной школы земских статистиков и агрономов.

Истеричная кампания идеологических обвинений и угроз в адрес чаяновцев в 1930 году привела к аресту Чаянова и его единомышленников с обвинениями их в подготовке кулацких восстаний и сопротивлении сталинской политики коллективизации. Таким образом, планы Чаянова на культурное и кооперативное строительство многоукладной экономики страны оказались окончательно разрушенными. Из тюрьмы ярославского политизолятора в 1934 году его отправили в политическую ссылку в Казахстан, а затем расстреляли 3 октября 1937 года в Алма-Ате.

Второй доклад «Социально-политические причины сталинской коллективизации» был сделан доцентом СФИ к.и.н. *К.М. Александровым* (Санкт-Петербург). Отчасти здесь прозвучали тезисы, сходные с теми, которые были отмечены в первом докладе, но Алек-

сандров больше внимания уделил статистике и последствиям кампании по раскулачиванию. Число общих жертв коллективизации в 1930–1933 годах выступающий оценил в семь с половиной миллионов человек. Были отмечены потери в различных отраслях сельского хозяйства, значительное падение показателей вырабатываемой продукции на душу населения. Размеры вооруженного сопротивления крестьянства в эти годы также превосходили уровень антибольшевистских сил в 1918–1920 годах по числу участников почти в пять раз. Недаром крестьянские восстания, спровоцированные кампанией раскулачивания, некоторые исследователи называют «второй гражданской войной». Высокий процент пленных красноармейцев в первые недели войны в 1941 году Кирилл Александров также связывает с последствиями насильственной коллективизации. Большинство воинов Красной армии были из крестьянского сословия, а значит, подавляющее большинство красноармейцев и их ближайшие родственники так или иначе испытали государственное насилие в период массовой коллективизации. Тот факт, что в годы войны снабжение СССР продовольствием в основном происходило за счет поставок союзников, косвенно свидетельствует об экономической неэффективности колхозного строя. Таким образом, Александров приходит к выводу, что причины сталинской коллективизации имеют прежде всего политическую подоплеку. Приоритетом для Сталина была защита власти коммунистической партии, защита привилегий партийной и советской номенклатуры. В народе же после разгромных итогов коллективизации аббревиатуру ВКП(б) прочитывали как всероссийское крепостное право большевиков. В 1934 году на XVII съезде коммунистической партии, вошедшем в историю как «съезд победителей», Сталин объявил об успешном решении зерновой проблемы, что означало окончательный разгром свободного крестьянского хозяйства в России и завершение Русской революции как таковой.

Теме крестьянских восстаний был посвящен доклад д.и.н. *А.В. Посадского* (Саратов) «Крестьянское сопротивление 1920–1921 и 1929–1932 годов: возможности сопоставления». В своем выступлении Посадский мастерски показал общие и различные черты двух волн крестьянских антибольшевистских бунтов. Начавшись еще на фоне Гражданской войны, крестьянские восстания не затихли и после 1920 года. Они продолжались под политическими лозунгами, в том числе: «Советы без коммунистов». Нередко восставших крестьян захватывали анархические настроения, в некоторых регионах на смену стихийным бунтам приходит «зеленое» движение. В Западно-Сибирском регионе были отмечены восстания красных командиров, поддержавших недовольство на селе. В отдельных местах во главе крестьянских восстаний оказывались представители партии эсеров, хотя в 1920–1921 годах это, по мнению автора доклада, уже не имело политического значения. После небольшого перерыва (не более четырех лет), связанного с НЭПом, вос-

стания крестьян возобновились. В конце 1920-х годов они стали более осторожными, без увлечения анархическими идеями. Случалось, что во главе восставших оказывались красные партизаны (герои Гражданской войны), представители номенклатуры и даже сотрудники ОГПУ (Фрол Добытин на Алтае). Наблюдался переход к тактике индивидуального террора против активистов колхозного строительства. Особая специфика проявилась в том, что важное место занимает религиозное сопротивление. Примечательно, что восстания периода коллективизации также подавлялись в некоторых случаях отрядами ОГПУ и регулярными частями Красной армии. Но командиры и партийное руководство действуют более осторожно и в каких-то случаях лояльнее к крестьянству в целом. При этом в военных сводках действия частей Красной армии районы, зараженные «бандитизмом», называли техническим термином «оккупация». Таким образом, области, охваченные крестьянскими волнениями, подвергались оккупации Красной армией. Хотя восстания 1929–1932 годов отличались настроением обреченности и неверием в окончательный успех, однако и в одном (1920–1921 гг.), и в другом (1930–1932 гг.) случае крестьянское сопротивление было сломлено в первую очередь голодом.

В завершение утренней части конференции с докладом на тему «Духовное осмысление коллективизации: опыт оккупированных территорий РСФСР 1941–1944 годов» выступил к.и.н. *И.В. Петров* (Санкт-Петербург). Выступление петербургского исследователя задало новую тему конференции — духовное значение сталинской коллективизации и ее восприятие в условиях немецкой оккупации. Особое место в своем выступлении Петров уделил отношению к коллективизации православного духовенства, которое служило на занятых немецкими войсками советских территориях. При этом исследователь отметил, что духовенство дореволюционной формации довольно активно участвовало в нацистской пропаганде, основной мишенью которой была советская колхозная и религиозная политика. Духовенство выступало в коллаборационистской печати, обращалось с соответствующими проповедями и служило молебны в честь освобождения от большевизма и наступившей свободы в области церковной и аграрной жизни мирного населения. Весной 1942 года с особым подъемом прошла антиколхозная пропагандистская акция Восточного министерства, которая была объявлена земельной реформой. По мнению докладчика, реальных результатов эта акция не принесла. Хотя в тех районах, где колхозный строй был ликвидирован, экономическое положение крестьянских хозяйств стало гораздо устойчивее, чем в предвоенные годы. После освобождения советских территорий от немецких войск многие священнослужители подверглись репрессиям по политическим статьям. Одним из обвинений было участие в нацистской пропаганде и выступления на антиколхозные темы.

Перед перерывом состоялась первая дискуссия, в которой активное участие приняли профессор Билефельдского универси-

тета *Штефан Мерль*, ведущий конференции К.М. Александров и А.М. Никулин.

Вторая часть конференция открывалась докладом специалиста из Европейского университета в Вильнюсе к.и.н. *И.Н. Романовой* (Минск) «Коллективизация в БССР». Ее выступление было сосредоточено на процессах коллективизации и раскулачивания в той части Белоруссии, которая входила в состав Советского Союза в 1920–1930-е годы. Были представлены различные подходы в современной историографии к проблеме в целом и по статистическим данным в частности. Выступающая также выделила основные очаги сопротивления в Белоруссии — в первую очередь южные районы (Мозырь). Здесь была своя специфика, выразившаяся в так называемых бабьих бунтах, когда ядро стихийного сопротивления составляли преимущественно крестьянки. Это связано с особенностями судебной системы — выступления мужчин квалифицировалось не только как антисоветская деятельность, но и как бандитизм, что влекло за собой жестокое наказание вплоть до расстрела, а значит, и потерю рабочих рук в деревне. В 1932 году зафиксирован пик выступлений в белорусских областях — 300 восстаний и массовые случаи арестов. Наряду с открытыми бунтами было распространено вредительство, нередко встречалась порча зерна и сельхозпродукции.

Колхозная система спровоцировала голод, участились воровство и случаи самосуда. Особенно пострадали от голода Гомельская область и районы Могилевской области. К середине 1930-х остро ощущался дефицит рабочих рук. В некоторых случаях на один крестьянский двор приходилось до 30–50 га земли, которые малолюдным семействам, особенно после массовых арестов мужской части населения, невозможно было обрабатывать. Характерным для этого региона являются процессы миграции населения. Из белорусских областей мигрировали на Украину, а в период тяжелейшего голода 1932 года украинцы приезжали за хлебом в области БССР. В 1937–1938 годах судебные процессы над крестьянами и колхозниками проводили сельсоветы на местах, и заканчивались они нередко вынесением высшей меры наказания. Подводя итог своего выступления, Романова обозначила не только крах колхозных планов в Белоруссии, но и серьезные потери человеческих ресурсов в этом регионе — 260 тыс. человек в эти годы подверглись так называемой кулацкой высылке, и более 600 тыс. человек репрессировано.

Тему коллективизации в белорусском регионе продолжил доклад к.и.н. *В.А. Белозоровича* (Гродно) «Особенности коллективизации в западных областях Белоруссии (1939–1952)». Как видно из названия доклада, основное внимание в нем сосредоточено на специфике региона, долгое время находившегося в составе Польского государства. В полном смысле слова о сталинской коллективизации в западных областях Белоруссии можно говорить только с 1945 года. Сельское хозяйство в западно-белорусских землях, по словам Бе-

лозоровича, «пережило две школы капитализма» — Столыпинские реформы и преобразования правительства Пилсудского, направленные на хуторизацию крестьянских дворов. В результате накануне Второй мировой войны 70% составлял хуторной способ хозяйствования (в основном это малоземельные хозяйства — не более 10 га на человека). В 1939 году белорусские крестьяне положительно встретили установление советской власти. Первые депортации местного населения начались в декабре 1939 года, но в основном они не захватили белорусских крестьян. Репрессии затронули зажиточные слои в лице осадников и их семей (осадники — польские колонисты, граждане Речи Посполитой, получившие после 1921 года земельные наделы в западных областях Украины и Белоруссии, вошедших в состав Польши, с целью полонизации этих территорий). Как правило, это были поляки-католики. К февралю 1940 года около 90% семейств осадников было депортировано в Сибирь. Землю репрессированных поляков (около 1 млн га) распределили среди белорусских крестьян, хотя эти действия проблему земельного дефицита не решили. Католическая церковь поддерживала осадников и поляков, тем самым занимала антисоветскую позицию. Дело дошло до бойкотирования выборов в советские органы власти весной 1940 года.

Первые колхозы в этом регионе были организованы осенью 1939 года. К июню 1941 года насчитывалось 1115 колхозов, которые охватили всего 6,7% от общего числа крестьянских дворов в Западной Белоруссии. Как правило, в колхозы вступали батраки, беднейшие крестьяне, а более зажиточные хозяева занимали выжидательную позицию. Советская власть пыталась начать наступление на кулацкие белорусские хозяйства путем обрезки земельных владений, но развитию этого плана помешала война и немецкая оккупация. В годы войны белорусские территории были поделены между разными зонами оккупации. Западные области вошли в состав Пруссии и здесь восстанавливались сельскохозяйственные общины, колхозы были распущены, а имущество и земли возвращались раскулаченным хозяевам (в основном полякам). В 1942 году ведомство А. Розенберга объявляет об аграрной реформе на занятых восточных территориях. Эти преобразования были особенно актуальны для центральных районов Белоруссии, входивших тогда в состав Рейхскомиссариата Ostland. Взамен колхозному строю приходит община. На развитие социально-экономических процессов существенное влияние оказывал национальный фактор, так, в период оккупации в западных белорусских областях обостряются антипольские настроения, а с началом активных действий Армии Крайовы оккупационные власти удаляют из местных администраций поляков и делают большую ставку на белорусских жителей. Массовая коллективизация в Западной Белоруссии началась довольно поздно — в 1949 году. В основном попытки устроения колхозного строя были удачны, что объясняется тем, что советская власть

учитывала ошибки и просчеты довоенного времени, использовала опыт проведения коллективизации в БССР. Также это было связано с практическим отсутствием активного сопротивления. Большинство противников советской власти либо покинули Белоруссию в 1944 году, либо были репрессированы после освобождения Белоруссии от немецких войск. Около 70% кулацких семейств были выселены в Среднюю Азию.

Судьбам и положению спецпереселенцев в ходе кампании по раскулачиванию был посвящен доклад к.и.н. *Н.И. Загороднюк* (Тобольск) «Дислокация спецпосёлков в Тобольском округе Уральской области (по материалам окружного земельного управления)». Тобольский округ занимал 2/3 Уральской области, здесь проживали 192 тыс. человек, из них 54 тыс. в северных районах. Первые семьи переселенцев прибыли в Тобольский округ еще в 1929 году, но места для проживания высланных крестьян подготовлены не были (эта проблема сохранялась и в поздние годы). Максимальное число спецпоселков в Тобольском крае достигло 55, но примерно 30% чертежей и проектов поселков с развитой инфраструктурой остались только на бумаге (фальсификация) для отчетов в центр. В докладе были представлены некоторые подробности, касающиеся труда, быта, коммуникации спецпереселенцев. Основная занятость жителей спецпоселков была связана с работой в леспромхозе, на сплаве леса. Рыбтрест, как правило, не мог принять на работу более значительное число рабочих из-за неразвитости технологии и нехватки материальных средств. Нередким явлением были конкуренция и даже конфликты с местным населением, высокий уровень заболеваемости и смертности. Для многих переселенцев (Крым, Краснодарский и Ставропольский край) климат Тобольского края стал губительным: пик смертности пришелся на 1932–1933 годы. По некоторым данным, число спецпереселенцев в Тобольском округе в этот период достигало 10% от всего населения этих территорий, что, несомненно, повлияло на многие процессы развития региона в довоенный период.

Два выступления в завершающей части конференции были посвящены церковной тематике. Доклад к.и.н. *И.А. Курляндского* «Антирелигиозные циркуляры ОГПУ в годы «Великого перелома» (1929–1930)» опирался на документы, которые определенным образом формировали репрессивную политику советской власти на местах. Далеко не все циркуляры ОГПУ, направленные на подавление религиозной жизни, сегодня введены в научный оборот. Содержание некоторых известно по косвенным свидетельствам, а сами документы доступны в выдержках или фрагментах. Процессы коллективизации вызвали обострение ситуации в деревне, а это в свою очередь послужило для большевиков поводом объявить о единстве кулаков и «церковников» в антисоветской деятельности. Кроме «церковников» в циркулярах упоминаются «сектанты», также ведущие антиколхозную подрывную работу. Циркуляры ОГПУ

способствовали усилению натиска на религию, закрытие храмов, в первую очередь «тихоновской» ориентации, разгром сельхозартелей, которые возникали на основе ранее закрытых православных монастырей. Курляндский отметил, что в циркулярах ОГПУ перемешаны объективные факты и откровенная фальсификация. В целом можно говорить о крайней тенденциозности этих документов. Показательно то, что в текстах циркуляров проявлялось недоверие даже к той части православной церкви, которая пыталась приспособиться к советским условиям жизни, всячески подчеркивала свою лояльность коммунистической власти и последовательно проводила в жизнь идеи Декларации 1927 года. Этот факт свидетельствует о том, что в период коллективизации ставка на раскол и расшатывание церкви изнутри (1922–1927 годы) уходит в прошлое и большевистское правительство готовилось дать церкви и религии в СССР «последний бой».

Выступление к.и.н. *В.С. Батченко* (Москва) на тему «Письменные жалобы религиозных объединений начала 1930-х годов как исторический источник» подводило черту в работе конференции в формате докладов. Батченко, в отличие от своего старшего коллеги, сосредоточилась на документах, исходящих в основном от рядовых верующих, тех, кто не терял надежды на справедливое решение религиозных вопросов. Это довольно интересный и специфичный исторический источник, который обнаруживается, как правило, в фондах архивных материалов о закрытии храмов. «Письма во власть» исследователь расценивает как способ пассивного сопротивления, поскольку написанию письма предшествовала активная деятельность: собрание приходского актива, хождение по местным инстанциям и т.п. Автором этих писем была религиозная община, поэтому под текстом прошения могли быть десятки и даже сотни подписей. Эта особенность — коллективный характер писем — требовала рассмотрения жалоб и хотя бы формальной реакции. Письма могли быть монотематическими или политематическими, то есть просьба верующих касалась одной проблемы или целого комплекса вопросов, которые побуждали общину взяться за перо или карандаш. Характер письма зависел от степени грамотности ядра общины, от конфессиональной принадлежности и периода написания. Известны факты, когда происходил обмен опытом по написанию писем во власть между соседними общинами и попытками оперировать законодательными актами и юридическими понятиями. Многие жалобы были связаны с насильственным закрытием храмов, отъемом имущества и земли, финансовым давлением на клир и на приход в целом. Письма сельских приходов во власть в период коллективизации и раскулачивания свидетельствуют о массовом нарушении прав религиозных общин советскими властями на местах. Это не было «перегибом», в котором якобы повинны региональные власти, а именно проявлением политики ВКП(б) в отно-

шении кулаков и «церковников», что хорошо показывают секретные циркуляры ОГПУ того же времени.

Завершилась конференция общей дискуссией. Главными вопросами, на которые реагировали участники конференции — почему коллективизация в сталинском варианте победила? Почему сегодня наши соотечественники, в том числе из академической среды, весьма положительно оценивают сталинскую коллективизацию и кампанию по раскулачиванию? В ходе обсуждения не раз вспоминали вклад Теодора Шанина в изучение русского крестьянства и его оценки колхозного строительства в 1930–1933 годах. В частности, прозвучало меткое определение, которое Шанин дал главному инициатору тотальной коллективизации: «Сталин — великий крестьяноборец!» Во время дискуссии было высказано пожелание, чтобы подобные научные события приобрели ежегодный ритм, а также сформулированы темы по истории крестьянства в Советской России для дальнейшего исследования, обсуждения и презентации. Этот факт показал, что конференция прошла на высоком научном уровне и привлекла большое внимание. Можно отметить определенный интерес к ней в соцсетях — в Facebook и YouTube-канале число просмотров превысило три тысячи.

После закрытия конференции прозвучала краткая заупокойная молитва в память о жертвах коллективизации, раскулачивания и голода в 1929–1934 годах.

Stalin's collectivization — 90 years later

Konstantin P. Obozny, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062, Russia. E-mail: history@sfi.ru